
Источник: Шамота Н. В полную силу души / Н. Шамота // Литература и современность / сост.: А. Дементьев, С. Машинский. – Москва, 1961. – Сб. 2 : Статьи о литературе 1960-1961 годов. – С. 110-116.

Н. Шамота

В ПОЛНУЮ СИЛУ ДУШИ¹

Представьте себе, что кто-нибудь из тех, кого мы сейчас называем обывателем, уснул летаргическим сном и проснулся прямо в коммунизме. Проснулся он и обнаружил, что правду, оказывается, говорили, будто при коммунизме каждому по потребностям. Начальные слова известной формулы он всегда пропускал мимо ушей,— не волнуют они его и в новом положении. А вот что касается потребностей, то это, так ему кажется, по его части. Первым делом он принялся бы создавать запасы. И понять его нетрудно: социальное положение мещанина никогда не было настолько прочным, чтобы он мог пренебрегать такими понятиями, как «везет», «не везет».

Но неуверенность в завтрашнем дне только одна и притом не главная черта его психологии. Дело в том, что, кроме обычных человеческих потребностей, мещанину свойственна как родовая, наследственная черта потребность отличаться от людей, «возвышаться» над ними. А поскольку ему не приходится полагаться на свои способности, так как сама по себе такая психология менее всего благоприятствует развитию способностей, то единственным средством показать себя остается «широта», «размах» потребностей. Между словами «уметь» и «иметь» мещанин никогда не улавливал заметной связи. Первое признавалось, пожалуй, только в

---

¹ Первоначально публиковалась в «Литературной газете», 1961, 30 марта; для настоящего издания статья существенно дополнена.

одном случае — в сочетании «уметь жить», а само это «умение жить» сводилось все к тому же «иметь».

Можно предположить, что никто не стал бы отговаривать этого последнего из могокан мещанства создавать себе запасы. И это было бы достойным наказанием ему за его прошлое: очень скоро обнаружилось бы, что со всеми своими запасами и «богатствами» он стал глубоко несчастным существом. Для мещанина ведь недостаточно иметь больше, чем имеют другие. Ему необходима уверенность в том, что другие не могут позволить себе того, чем обладает он.

То же можно сказать и о его потребностях духовных. Покажи такому Третьяковскую галерею, и у него, гляди, возникнет «потребность» получить ее в «личную собственность». Опять же не для того, чтобы наслаждаться ее сокровищами, но чтобы не позволить этого никому другому. В сущности, наслаждение вещами — единственный доступный для него вид духовного наслаждения — основывается не столько на сознании того, что он их имеет, накопил, сколько на подлой радости от того, что их не могут иметь другие. И счастлив мещанин не своим счастьем, а чужим горем. По совести говоря, и коммунизма-то он боится потому, что чувствует: лишит он его такой «радости» и такого «счастья».

Само собой разумеется, что речь здесь идет о мещанине, так сказать, классического образца, исследованном нашими писателями во множестве проявлений его психологии, в самых разнообразных жизненных ситуациях. Однако и сейчас встречаются экземпляры, весьма близкие к тому образцу. Недавнее свидетельство тому — процесс «фирмы, потерпевшей крах», — торговцев валютой, не знавших в жизни ничего, кроме безудержной жажды накопления.

Один из подобных экземпляров, — хотя и меньшего «масштаба», — представлен в повести А. Рекемчука «Все впереди» в образе некоей Рытатуевой.

Правда, Рытатуева, в отличие от своих предшественников, не держится за насиженное место, не очень требовательна в отношении домашнего уюта. Правда, ей приходится считаться с некоторыми общественными понятиями и приспосабливаться к ним: надо если не самой быть на какой-то работе, то по крайности числиться

на иждивении работающего. Вот она и возит своего мужа со стройки на стройку, пристраивает его на работу и только после этого разворачивает свое «дело». У вербовщиков она не спрашивает, будет ли на новом месте клуб, кино, электричество, радио, баня, даже квартира не так ее интересует, как возможность построить хлев. Она промышляет откормом свиней и, пользуясь возможными трудностями снабжения на новостройке, компенсирует себя и за отдаленность, и за все невзгоды кочевой жизни.

Где-то она затерялась на Севере, может быть, поменяла не одну стройку. Вероятно, у нее еще покупают сало, ездят в одном с ней вагоне, слушают ее поучения насчет того, как надо жить. Но как хорошо из рассказа писателя видно, что у таких, сколько бы они ни странствовали, ничего нет впереди, потому что и смотрят-то они не вперед, в будущее, а назад, в прошлое...

Мещанин, создающий себе запасы «по потребности», мещанин в коммунизме — фигура, как всякому понятно, весьма условная. Но если бы мы пришли к коммунизму такими, какие мы сейчас, то, пожалуй, было бы немало хлопот не только с теми, у кого потребности столь непомерны и несуразны, а и с теми, кто не знает своих потребностей, у кого представления о них все еще ограничены.

«Хозяева жизни» имели достаточно времени — сколько веков! — чтобы заставить простого труженика поверить в то, что нет у него никаких потребностей, кроме потребности в пище. В их власти было сделать так, чтобы мысль о еде преследовала человека до могилы, не оставляя места для других запросов и желаний. Нищета, с которой бились миллионы создающих богатство, была не только следствием эксплуатации, но и ее орудием.

И, право, не так уж смешон герой известной сказки, мечтавший о том, что если бы он был царем, то каждый день ел бы коржи с салом и спал бы на свежей соломе. А другой хотя и не обладал столь богатым воображением, чтобы представить, как именно жил бы он, став царем, но был уверен, что жил бы еще лучше, потому что шитьем прирабатывал бы. Все это народные шутки. Но как трудна и безрадостна была жизнь, если она учила так горько шутить. И впрямь, не му-

дрено было дойти до мысли, будто в жизни человеку только и нужно, что три аршина земли.

Не везде еще стерлись следы прошлого. Остались они и в представлениях о потребностях. Ограниченность потребностей, которая навязывалась людям постоянными напоминаниями о том, что они в жизни не хозяева, а работники,— прямое наследие прошлого. Забота о развитии человеческой личности есть в значительной мере забота о развитии у трудящихся их представлений о действительных человеческих потребностях.

Лесоруб Силантьев из «Глухой Мяты» В. Липатова считает, что он живет, в общем, хорошо. И действительно, он здоров, неплохо зарабатывает, ни в чем не нуждается. Но... но если бы ему кто-нибудь сказал: да, хорошо живешь, без водки обедать не садись,— он и не заметил бы насмешки. Именно так он и мыслит себе хорошую жизнь. Хорошо или плохо живет человек — это выражается для Силантьева только в том, как он зарабатывает. При этом никакого значения не имеет, разумно ли распоряжается он своими деньгами. Ведь и заработок Силантьев меряет, так сказать, натурой: «Сегодня на две банки закалымил!» — то есть ему причитается за работу около шести рублей — стоимость двух пол-литров водки. Или: «Это разве деньги — на СПГ с прицепом не хватит!» — и это значит, что речь идет о сумме меньше рублевки, потому что «СПГ с прицепом» — это на силантьевском жаргоне сто пятьдесят граммов водки с кружкой пива. Суммы свыше десяти рублей Силантьев переводит на стоимость железнодорожных билетов: «Хреновина, а не деньги — до Омска не доедешь!» Он хорошо помнит стоимость проезда до разных городов Сибири и Дальнего Востока, но в охоте к перемене мест нет у него ничего романтического; объясняется она очень просто: рыба, мол, ищет, где глубже, а человек — где лучше, что значит — где лучше платят.

Силантьевские потребности вообще нетрудно удовлетворить. Но каким убогим было бы общество, если бы оно согласилось принять такие понятия о жизни!

Человек должен хотеть большего и может иметь больше.

Мы идем к изобилию. Но как сейчас, так и в будущем нельзя позволить, чтобы вещи отделяли человека от людей, чтобы платяной шкаф заслонял человеку

мир. В царстве изобилия, которым будет коммунизм, человек станет тем, чем он должен быть, именно потому, что он освободит свои духовные силы от постоянной изнуряющей заботы о вещах. На смену сомнительной радости общения с вещами приходит великая, ничем не омрачаемая радость общения с людьми. Вот почему забота партии о создании изобилия материальных благ есть одновременно и дело величайшего идеологического значения.

Строительство коммунизма — это непрерывный процесс воспитания людей в духе коллективизма, освобождения их от эгоизма и себялюбия, то есть действительного освобождения. Каковы бы ни были потребности человека, они недостойны его, они несовместимы с человеческим достоинством, если для их удовлетворения человеку нужно было бы пожертвовать добрым отношением общества.

Большевики, делавшие революцию, не требовали никаких привилегий для себя лично. Буржуа легче было бы понять победителя, если бы тот, изгнав его из дворца, сам поселился в нем. По крайней мере это не выходило бы за пределы буржуазных понятий. Но с человеком, который, завоевав власть, отказывает себе в куске хлеба, чтоб спасти голодного от смерти, на привычном языке говорить нельзя. Мораль победителя была страшна для буржуа, ибо основой этой морали было то, чего он, буржуа, никогда не примет, пока он им остается, а именно: искреннее убеждение в том, что настоящий человек должен научиться соразмерять свои потребности с уровнем жизни миллионов людей, и забота об этом уровне должна быть тоже его личной потребностью, потребностью его души.

В этом, может быть, и заключается основа новой связи между потребностями материальными и духовными, связи, утверждающей в человеке человеческое, коммунистическое.

Современный мещанин в процессе приспособления к новым общественным условиям многому научился. Он научился даже трудиться, и порой это у него неплохо получается. Он может обладать некоторыми полезными способностями, в отдельных случаях даже значительными. Без всего этого сейчас нельзя жить, и у него

хватает ума это понять. Но по-прежнему мещанин предъявляет непомерные претензии на особое, исключительное положение своей личности и по-прежнему между его способностями и его потребностями, между тем, что он может дать, и тем, что он хочет взять, сохраняется дистанция огромного размера. И это уже не только претензии чисто материального порядка. У него появились потребности «духовные». Сам никогда никого не уважающий, мещанин требует почтения. Себялюбие, эгоизм, в чем бы они ни проявлялись, например в карьеризме,— прямое проявление жизнедеятельности мещанства.

Наши писатели издавна последовательно ведут борьбу против любых проявлений мещанской психологии как в области материального потребления, так и в области духовной. Но как бы ни были сильны удары, наносимые мещанству, с ним нельзя покончить сразу, так как оно легко приспосабливается, маскируется, и каждый раз приходится распознавать его новые и новые уловки. Это тем труднее, что часто это уже и не мещанство в его «чистом» виде, а лишь его пережитки в сознании отдельных людей.

Люди, подобные Рытатуевой, раскрывают себя сразу, при первом знакомстве. И навсегда себя компрометируют. Несколько сложнее обстоит дело с такими, как Лена в пьесе В. Розова «В поисках радости». Эта умеет прикрывать свою мещанскую натуру красивыми словами о красивой жизни. В мечте о такой жизни нет ничего зазорного, и не сразу видишь, как уродливо, в сущности, представление героини о такой жизни и как неразборчива она в средствах для достижения своей «радости». Однако в обыденной жизни и такие натуры распознаются сравнительно легко. Но вот людей, подобных Изюмину из повести «Глухая Мята», понять гораздо труднее, и такие могут долго оставаться нераспознанными.

Об Изюмине как будто ничего плохого и не скажешь. Он механик, работает хорошо. Правда, в его поведении есть нечто такое, что не располагает душу, так ведь мелочи это. К тому же собрались люди из разных мест, закончат работу и, может быть, разойдутся по разным местам. Словом, не стоит особой любви Изюмин, да и довольно.

И в самом деле, в чем можно упрекнуть Изюмина? В том, что он со всеми говорит свысока, держится особняком? Ну и пусть себе тешится. Что любит подтрунивать над людьми? Так ведь и это не пристанет к хорошему человеку. Что, когда он говорит о коллективе, о сплоченности и организованности, не поймешь, от души или и тут потешается? Да ведь не одинаково говорят люди. Словом, рабочий человек не спешит с оценками людям, зная по опыту, как много значит для человека мнение других людей.

А вот Изюмину все ясно как на ладони. Раков? «Орден добывает человек, славу!» Десятиклассники? «Все отдадут за справку!» Семенов? «Надоело ходить в трактористах, вылез в бригадиры, карьеру делает». Силантьев влюбился в Дарью? «Чепуха! Он узнал, что у Дарьи есть собственный дом. Надоело мужику колесить по свету, вот и прибывается к тихой пристани...» Все просто. Незачем взвешивать все за и против. Правда, Изюмин достаточно осторожен и старается держать свои мысли при себе. Не скажет он этого в лицо ни Ракову, ни Силантьеву, ни даже юношам-десятиклассникам. Не потому, что пожалеет их обидеть, не потому даже, что ссора с кем-нибудь из них не входит в его расчеты. Нет, только потому, что Изюмин хорошо понимает, что выскажи он эти мысли вслух — и все поймут, какова его собственная жизненная программа. Ведь это о таких говорится, что они на свой аршин меряют. Нет, он решился пооткровенничать только с Титовым, да и то тогда, когда тот был до последней степени пьян и можно было рассчитывать на какой-нибудь скандал. Кто знает, может быть, пришлось бы ему, Изюмину, наводить порядок. И тогда... тогда его скорее заметили бы.

Изюмин знает, что для того, чтоб быть замеченным, надо хорошо трудиться. Но хорошо трудятся миллионы. И он опасается, что среди них можно надолго «затеряться». А ему необходимы почет и уважение сейчас, а не потом, иначе даром проходит жизнь. Чтобы быть замеченным в труде, надо, чтобы другие работали плохо. Точно то же, что и в потреблении: вещи радуют, если их нет у других, слава вдохновляет, если ее недостает другим... Такими во всем руководит эгоистический расчет.

И они не гнушаются никакими средствами, чтобы воспользоваться ситуацией, при которой можно «выдвинуться», или даже создать «подходящую» ситуацию. Более того, чтобы поскорее добиться своей цели, они пойдут на известный риск, не посчитаются с трудностями, только чтобы это было соответственно оценено, чтобы непременно была выдана справка о совершении подвига во имя, конечно же, благородного дела.

Так именно действовал Изюмин. На лесозаготовительном участке в самую горячую пору вышел из строя трактор. Нужна бобина, но запасной нет. До базы, где ее можно получить, шестьдесят километров. Как туда добраться? По таежному бездорожью, в весеннюю распутицу, через готовые вскрыться реки и речушки,— это почти то же, что идти на подвиг. Кто отважится пойти? Вызвался Изюмин. Идти трудно. Опасно. Но «в моем положении нужно рисковать»,— рассуждает он.

Может быть, и в самом деле нельзя Изюмину не рисковать, нельзя упускать случая? Бывший главный механик леспромхоза, снятый с работы и исключенный из партии за карьеризм, пренебрежение к нуждам рабочих, администрирование,— словом, по очень серьезным причинам,— может быть, действительно, он хочет скорее доказать людям, что стремится жить по-новому, хочет поскорее вернуть их доверие? Не может же быть, чтобы так уж и не стремился человек заслужить право смотреть честно и прямо людям в глаза.

Все это можно было бы понять, хотя повышенный интерес человека к своей особе сам по себе никогда не считался привлекательным качеством. Бобину принес бригадир Семенов, вовсе не считая свой поступок подвигом. И бригада встретила его без шумных восторгов, и даже без особого любопытства, как, мол, человек преодолел такой путь. Можно себе представить, как реагировал бы на такой прием Изюмин. Впрочем, шел бы он не ради признания рабочих Глухой Мяты...

Но дело, оказывается, в том, что у Изюмина в его мастерской припрятаны две запасные бобины, и, значит, ни ему, ни кому-либо другому за ними не надо было далеко ходить. Спрятав их, он сам создает себе условия для совершения «подвига», и тут уж ничто не может скрыть его подлинного лица: никогда такие люди не думают о деле,— все равно каких масштаб

это дело,— но лишь о себе. И в этом смысле стремящийся к «вершинам» Изюмин и ищущая рынок Рытагуева — люди одной породы.

Сущность пережитков мещанства всегда и везде в эгоизме, себялюбии. Их запросам, которые они назовут потребностями, нет разумных пределов, и тот общественный строй, к которому мы идем, мало того что не может принять на себя заботу об их удовлетворении, но отказывается признать такие запросы истинно человеческими.

Антиобщественный характер стремлений и действий подобных лиц достаточно очевиден. Мещанские пережитки представлены в этих образах в такой концентрации, что читателю относительно легко понять их и оценить.

Но бывают и более сложные характеры и обстоятельства, как бывает и в жизни, что хорошие по многим, порой даже по основным качествам люди не свободны и от таких свойств, с которыми нельзя мириться.

Это и понятно. Социализм строили и построили люди, вышедшие из прошлого, где было столько грязного и унижительного, что от него нелегко освободиться. Но уже мало кто не понимает сейчас, что, для того чтобы жить по-человечески, по-коммунистически, необходимо не только изобилие материальных благ, но и высокая сознательность, всестороннее нравственное развитие человека. И чем ближе мы подходим к своей исторической цели, тем более требовательными становимся к самим себе, и то, с чем можно было мириться вчера, сегодня мы со всей остротой ощущаем как немыслимое. Приятно и радостно сознавать, как высоко поднялся рядовой советский человек над своим прошлым. Но мы пришли к такому рубежу нравственного развития социалистического общества, когда не только можно и не только нужно мыслить о человеке по законам будущего, но когда мера прошлого, сколько бы ни говорилось об общечеловеческом ее значении, часто оказывается неприложимой к нему.

Было время, когда, например, от специалиста требовалось только одно: чтобы он согласился работать с новым хозяином — рабочим классом и, согласившись, не стал вредить. А когда он, работая с нами, под вли-

янием невиданного энтузиазма рабочих, понемногу заражаясь этим энтузиазмом, начинал отдавать свои знания щедрее, чем предписывалось его прежними понятиями о круге обязанностей, нам казалось, что большего и ожидать нельзя. Но пришло время, и этого стало недостаточно и рабочим и специалисту. Пришло время, когда сам специалист стал тяготиться положением, которое волей-неволей ставило его над людьми и в стороне от людей. Это ощущалось тем острее, чем яснее становилось, что никакие успехи одиночки не сравнятся с радостью успешного движения коллективов, что тот, кто сознает себя членом коллектива, неизмеримо богаче духовно, чем одиночка.

И вполне понятно, почему сейчас нам уже недостаточно, чтобы специалист был только хорошим специалистом и честно отдавал свои знания. Надо, чтобы он — инженер, учитель, врач, агроном, писатель, ученый — был человеком, а это значит: надо, чтобы он не противопоставлял себя людям, а жил для людей и с людьми. Словом, пришло время, когда для подлинной оценки достоинств человека важен не только сам по себе труд и его результаты, даже не только сам по себе подвиг и его последствия, но и человеческие мотивы, побудившие то или иное лицо на труд и на подвиг. Это значит, что именно в таких условиях личность человека получает самую справедливую оценку и самое полное признание.

Труд писателя всегда был тончайшим делом, ни с чем не сравнимым по своей сложности, а может быть, и по ответственности перед людьми. И чем ближе мы подходим к коммунизму, чем больше обогащается духовная жизнь наших людей и чем более требовательными мы становимся к самим себе, тем сложнее становятся задачи писателя. Ему надо уметь замечать в человеке, поддерживать или осуждать и то, что вчера еще могло оставаться просто незамеченным.

Читатель ищет встречи с героем, который воплощал бы в себе то новое, чем живет сейчас наш народ, и стремление писателя удовлетворить эти запросы, как бы ни был труден путь к такой художественной цели, заслуживает самой активной поддержки.

Очень широко, многосторонне изображает В. Тендряков своего героя в романе «За бегущим днем».

Многое удалось автору. Многими своими чертами привлекает его герой. Но, встретившись с очень честным человеком, едва ли найдешь уместным сказать: честен, как Андрей Бирюков. Об энергичном, решительном человеке вряд ли захочется сказать: энергичен и решителен, как Андрей Бирюков. Да и того, кто ломает старое, кого называем новатором, не многим захочется сравнить с Андреем Бирюковым. А ведь есть у него и то, и другое, и третье. Но есть и нечто такое, чему никак не порадуешься.

И даже не в том дело, что есть и это, скажем, несколько повышенное себялюбие. Никто не думает, что раз герой положительный и раз его положительные действия составляют основу книги, то уже по одной этой причине он должен оставаться вне подозрений. У любого человека могут быть непродуманные поступки, ошибочные мысли и несправедливые оценки. Могли они быть и у Андрея Бирюкова. Это не помешало бы нам вместе с писателем радоваться тому хорошему, светлому, что составляет человеческую сущность его героя и что действительно делает его человеком незаурядным. Но дело в том, что, изображая своего героя с необходимой художественной полнотой, писатель либо не замечает некоторых его слабостей, либо и сами эти слабости приподнимает заодно с тем, что действительно украшает его как человека.

Андрей Бирюков любил рисовать и, когда пришлось выбирать жизненный путь, решил попробовать себя на поприще искусства. Он не без труда поступает на художественный факультет института кинематографии. И, уже начав заниматься, убеждается, что другие рисуют лучше, что он в числе последних учащихся, что и самый упорный труд — а он не жалел труда — не помогает. У него, по-видимому, нет таланта. Через два месяца учебы Андрей принимает нелегкое, но честное решение: уступает свое место более способному.

Это один из узловых моментов в развитии образа. Таким вот требовательным к себе и честным с собой входит Андрей Бирюков в роман.

К тому же эта часть написана превосходно. Здесь так тонко изображается облик человека, влюбленного в многокрасочность мира, понимающего линии и цвета, что иной раз кажется, не слишком ли строг Бирюков

к себе, не принял ли он возможную неудачу или возможные неудачи — ведь никто до этого не учил его рисовать — за недостаток способностей? Может быть, ему недостает характера, а не таланта? Но чтобы решиться на уход из института, тоже нужен характер.

Хорошо, когда молодой человек не хочет довольствоваться малым и стремится полностью развить свои возможности. Это нелегко, потому что не всегда он может быть сам себе судьей, достаточно чутким и достаточно трезвым. И потому нам понятны, нас по-человечески волнуют переживания Андрея Бирюкова, когда он постепенно убеждается, что вышел не на ту дорогу.

Писатель довольно подробно передает ход мыслей своего героя, приведших к такому решению. Стоит вслушаться в эти мысли. После ряда неудач Андрей Бирюков думает: «Был последним и остался им. А у меня большие планы на жизнь. Я не могу согласиться на то, чтобы давать людям меньше других... Ты должен стать рядом с лучшими, и только там твое место. Ведь когда институт будет окончен и наш курс выйдет в люди, то даже наши лучшие из лучших вроде Эммы Барышевой окажутся где-то в середине... Добивайся места рядом с Эммой Барышевой».

Несколько позже: «Я презирал тех, чья жизнь пуста и бесплодна, я ждал будущего, пусть трижды тяжелого, трижды неустроенного, но заполненного большими делами. Большими!.. Ты ведь не захочешь, чтоб отворачивались от твоего труда, чтоб за него не платили похвалами и звонкой монетой, приносящей хлеб насущный вместе с другими благами. С доступным тебе упрямством и энергией ты будешь доказывать, что именно ты талантлив, ты нужен обществу, а не Эмма Барышева. Если хватит сил, отгеснишь их в сторону. Затопчешь их. Нет?! Ты возражаешь? Ты возмущаешься этим? Ты считаешься на свою порядочность, на свою кроткую совесть? Брось мальчишествовать, пора стать взрослым».

И еще об этом же: «Я мог стать художником, но художником в лучшем случае посредственным. В лучшем случае... Я в глубине души все еще продолжал надеяться, что вдруг да произойдет переворот, перепрыгну всех Парачуков, Гавриловских, Гулюшкиных...»
Спустя несколько дней: «Я, обогнавший было Гаври-

ловского и Парачука, снова оказался в самом хвосте своего курса».

Но вот решение принято, институт позади. «Еду в Густой Бор. А зачем? Что меня там ждет? Снова работать преподавателем физкультуры? Ни в чужой школе, ни в своей не хочу. Сесть в учреждение, в какой-нибудь маслопром или райпотребсоюз?.. Нет, нет и нет! Это не будущее, а отказ от него... А здесь имеются всего три института: лесотехнический, сельскохозяйственный и вот этот — педагогический. В свое время ты отверг все три. Теперь подумай... Почему бы и на самом деле не попытаться стать коллегой этого директора?.. Никогда не испытывал желаний работать педагогом? А к чему испытывал призвание? Художник уже не получился. А еще что?.. Пусто. А трудиться все равно надо, все равно придется искать место в жизни». И через два часа Андрей Бирюков снова был студентом, на этот раз педагогического института.

Эти выписки лишь в самой малой степени отражают то душевное смятение, которое переживает герой романа и которому в романе уделено гораздо больше места, чем это принято цитировать. И рядом с верными мыслями и побуждениями героя нельзя не чувствовать здесь чего-то настораживающего, вызывающего беспокойство за него.

Когда читаешь это место, трудно избавиться от впечатления, что в решении Андрея оставить институт большую, чем следовало бы, роль сыграло убеждение, что его место в жизни должно быть особым, исключительным. А уж когда на этом настаивает человек, который, в сущности, еще не испытал себя в жизни, его уверенность сильно походит на самоуверенность. Герой стремится к большим делам, только большим, и это очень хорошо. Но когда он с такой брезгливостью отзывается о своем Густом Боре и Густых Борах, о «всяких там» маслопромах и райпотребсоюзах, то невольно закрадывается сомнение, понимает ли он, что это значит — большое дело?

Откуда-то Андрей успел вынести убеждение, что в искусстве малоодаренные люди непременно стремятся отеснить даровитых, если удастся, топчут их и что тут нечего рассчитывать на порядочность и совесть («Брось мальчишествовать, пора стать взрослым!»). Но куда

более популярная истина, что великие в своем деле люди живут и строят жизнь и в Густых Борах, что для человека нет ничего зазорного в малом деле, в том числе в работе в маслопроме или райпотребсоюзе, позорно лишь малое участие в полезном деле,— эта истина все еще, кажется, Бирюкову неведома.

И еще. Бирюков глубоко прав, презирая тех, чья жизнь пуста и бесплодна, но это презрение порой распространяется и на людей, которых он очень мало знает или о которых и вовсе не имеет понятия. Легкость суждений о людях вообще признак поверхностного ума и не очень отзывчивого сердца. Но здесь она, кажется, объясняется тем, что Андрей слишком занят собой. Занят о том, последний или не последний он в группе, перепрыгнул или не перепрыгнул он некоего Парачука или Гулюшкина, до такой степени поглощает Бирюкова, что уже не остается места для мыслей о тех, до кого надо «тянуться» или которых надо «обгонять». Да и судит Андрей о своих товарищах только так: выйдет из человека большой художник или не выйдет. Если учесть, что за два месяца учебы очень непросто определить, чем закончит студент пятилетний курс, да прибавить к этому, что оценивает ведь человек, который в своих собственных способностях успел ошибиться, то станет еще яснее, что критерии оценки людей, принятые Андреем, весьма поверхностны. Обидеть человека только за то, что тот не стал великим? Так ведь недолго дойти и до того, чтобы отвернуться от хлебопека за то, что он не академик, от колхозного паромщика за то, что тот не капитан китобойной флотилии.

В характере Андрея эти черты не выпирают наружу, не бросаются в глаза и легко перекрываются хорошим, привлекательным. Но для молодого человека, начинающего жить, в них таится немалая опасность. И было бы очень важно яснее дать понять читателям, что Андрей Бирюков к этому времени как человек ни к чему большому еще не готов. Судить его строго за это нельзя, но отделить сильное от слабого необходимо. Ведь для общества важно не только то, кем будет Андрей Бирюков — художником или педагогом, — важно еще и его человеческое, общественное поведение как члена коллектива!

Другим важным и, судя по всему, решающим моментом в развитии образа Андрея Бирюкова стали поиски героем новых методов обучения и воспитания в школе, борьба за признание и распространение этих методов. И здесь много интересного и привлекательного. Подкупает энергия и настойчивость героя. Нельзя не оценить силы убежденности и гражданской зрелости Бирюкова, когда он размышляет о задачах школы, об ответственности учителя за подготовку людей к жизни в новом обществе. Писатель этой частью романа как бы поправляет своего героя: большой жизнью можно жить и вдалеке от столицы, от больших городов.

Но странное дело: чем дальше развиваются события, тем уже и уже становится круг возможных друзей Бирюкова, пока он не остается почти в полном одиночестве. Два или три человека, оставшихся с ним до конца, сами выглядят одиночками, разуверившимися в добродетельности людей.

Да, новое не всегда сразу прокладывает себе дорогу, в борьбе за него новатору порой приходится сначала вступать в конфликт и с частью коллектива. Однако, читая роман, не можешь отделаться от ощущения: дело не только — быть может, даже не столько — в косности окружающих, сколько в самом герое Бирюков проявляет, можно сказать, талант отталкивать людей, как бы заранее подозревая в каждом встречном консерватора. Он, кажется, не допускает мысли, что кто-нибудь может не соглашаться с ним потому, что убежден в своей правоте, а не потому, что его одолели лень и апатия или что он просто бездарен. А люди не могут не чувствовать этого и не обязаны прощать. Тем более что предлагаемое Бирюковым новое не так уж и ново. Многим из тех, кто возражает ему, в свое время пришлось испытать на себе нечто похожее, когда различные «экспериментаторы» пробовали на детях свой «бригадный метод», «комплексный метод» и другие новшества. Новое интересует нас не потому только, что оно ново, но лишь поскольку оно прогрессивно. Оно и должно проходить проверку на прогрессивность.

В экспериментах Бирюкова по меньшей мере много спорного, и нетерпимость, озлобленность, которую он проявляет без разбору ко всем тем, кто с ним спорит,

не кажется нам такой уж оправданной. А временами получается и так, что уверенность Бирюкова в превосходстве своего метода переходит в уверенность в своем собственном превосходстве. Когда же человек в нашем обществе постоянно подозревает людей, с которыми общается, в недобрых мотивах, то, хоть и не всегда это говорит о том, что сам он склонен руководствоваться подобными мотивами, эта черта не перестает быть отталкивающей, какими бы симпатичными ни были другие его качества.

Андрей Бирюков мало изменился к концу романа по сравнению с тем, каким он начинал свой путь. Слабое и сильное в нем по-прежнему уживается, и по-прежнему автор не делает заметных усилий, чтобы отделить одно от другого и оценить то и другое, как оно заслуживает. Будто себялюбие, проявляемое хорошим в целом человеком, уже и себялюбие хорошее, а эгоизм в таком случае и вовсе не эгоизм.

Бирюков — характер сложный. К действительной потребности в новом, передовом у героя примешивается потребность «возвыситься», по крайней мере быть на виду, и это последнее мешает ему, на наш взгляд, правильно оценивать людей и правильно относиться к людям.

Когда интересы человека сосредоточиваются на самом себе и особая забота о собственном «я» становится его главной духовной потребностью, обществу трудно с этим примириться. Не потому, что оно считает эти потребности чрезмерными, а потому, что они на самом деле ничтожны. Когда человек оценивает мир только по тому, как его ценят в этом мире, он духовно обедняет сам себя.

Было время, когда о человеке надлежало судить по тому, что он имеет. При этом не очень поощрялось любопытство насчет того, где он взял... Зато всякий мог пользоваться вполне «демократичным» советом: по одежке, мол, протягивай ножки. Социализм открыл и узаконил иные основы суждений о людях, признал основой всех моральных ценностей труд. Но чтобы труд стал такой мерой, нужно было многое: нужно было, чтобы он сам стал свободным.

К труду может принуждать насилие или голод. В том и другом случае слишком мало места остается для нравственной красоты труда. Но когда в дело вмешивается жажда наживы, о такой красоте не может быть и речи. Супрун Фесюк («Кровь людская — не водица» М. Стельмаха) вначале не знал покоя в жажде разбогатеть, а разбогатев, обнаружил в себе такую жадность, что уже и обедал в поле стоя, чтоб не засидеться, уже и на бога обижался, что так много праздников дал. Жадность довела его до того, что трудом он истязал и себя и семью.

Эксплуататорские классы делали и делают все для того, чтобы скрыть, или затушевать, или исказить зависимость потребления от труда. Блага цивилизации в досоциалистическом мире меньше всего предназначаются для тех, кто их создает. Однако необходимость совершенствовать труд, как бы ни мало сказывалось это на уровне жизни тружеников, служила подлинным источником прогресса техники и умственной жизни в целом. И если в таких условиях, в условиях бессовестного отделения труда от потребностей, человечество добилось величайших успехов в науке и технике, то можно не сомневаться, что будь по-иному, люди на много веков раньше увидели бы другие планеты не только в телескоп...

Социализм кладет в основу общественных отношений великий принцип: от каждого по способностям, каждому по труду. Тем самым он навсегда устраняет отделение потребностей от способностей, сближает их и превращает рост потребностей миллионов людей в прямой стимул развития и совершенствования их способностей. Социализм не был бы столь великим переворотом в жизни общества, если бы он не совершил переворота в отношениях между трудом и потреблением.

Маркс писал, что в принципе «от каждого по способностям, каждому по труду» социализм оставляет кусочек буржуазного права. Но только «кусочек», и не больше. Поскольку этот принцип распространяется на все общество и означает то же, что известный лозунг революции: кто не работает, тот не ест, поскольку, далее, он осуществляется в условиях, исключаящую любую возможность присвоения чужого труда и нако-

пленения богатства в одних руках, в нем оказалось гораздо больше, неизмеримо больше такого, что связывает его с будущим, чем того, в чем сохраняется его связь с прошлым.

«Переход к коммунистическому принципу распределения по потребностям,— говорит Н. С. Хрущев,— будет осуществлен лишь тогда, когда производительные силы и производительность труда достигнут уровня, обеспечивающего создание обилия материальных благ, а труд станет первейшей жизненной потребностью членов общества»¹.

Последовательно осуществляя принцип материальной заинтересованности, социализм делает решающий шаг к распределению по потребностям, не только в том отношении, что он готовит изобилие материальных благ, но и в том, что создает условия для превращения самого труда в естественную потребность. Необходимость трудиться становится постепенно потребностью трудиться, а это, может быть, и есть последнее условие перехода из царства необходимости в царство свободы, последний шаг к тому, чтобы человеческий прогресс перестал «уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых»².

Истинно гуманистическая миссия советской литературы и советского искусства заключается ныне в том, чтобы помочь каждому человеку осознать, ощутить труд как высшую человеческую потребность. Это нелегкая задача, и невелик риск сказать, что ее не решить без активной эстетической поддержки. Чтобы труд был осознан как потребность, он должен быть осознан как прекрасное.

Труд — подлинный источник радости и гордости, основа человеческого достоинства. Но частная собственность заставляет человека отказываться от своей славы творца в пользу бога и оставляет большинству людей интерес даже не к результатам их труда, а к тем благам, которые достаются им взамен всех их усилий.

---

¹ Н. С. Хрущев, За новые победы мирового коммунистического движения, «Коммунист», 1961, № 1, стр. 14.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, Госполитиздат, М. 1957, стр. 230.

Герой «Триумфальной арки» Ремарка Равик спрашивает медицинскую сестру в больнице, любит ли она свою работу. «Мне она нравится,— с готовностью ответила сестра.— Конечно, попадаются трудные больные, но в большинстве они очень симпатичны. Мадам Бриссо вчера подарила мне красивое, почти новое шелковое платье. А на прошлой неделе я получила пару лакированных туфель от мадам Лернер. Помните ее? Она умерла у себя дома.— Сестра снова улыбнулась.— Мне совсем не приходится тратиться на вещи. Почти всегда что-нибудь да подарят. А если мне не подходит, могу обменять у подруги — у нее магазин. Так что живется мне совсем не плохо». Этой девушке 23 года... В том же романе, несколькими страницами далее, приводится такой эпизод. В больницу доставлен тринадцатилетний мальчик с разможенной ногой. Задыхаясь, торопясь, он просит записать номер машины, он хорошо запомнил. «Пусть мать сходит в полицию... Страховая компания обязана заплатить... Если вы отнимете ногу, они заплатят больше...» И, преодолевая боль, мальчик мечтал: должно же человеку повезти хоть раз в жизни.

Между этими двумя эпизодами — разговором Равика с сестрой и случаем с искалеченным мальчиком — существует более прямая связь, чем может показаться на первый взгляд. Устами этих героев говорит сам опыт жизни. Он, этот опыт, делает человека в тринадцать лет расчетливым до черствости, а через десять лет научит его не гнушаться положением попрошайки. Любит ли человек свою работу? О да, отвечает он, но тут же выясняется, что не о работе он говорит, а о месте, где можно иметь дополнительный доход, и он рад, что ему больше, чем другим, повезло. Да и слово-то «везет» определено из того мира, где не может «везти» всем.

Тема труда в том или ином плане все чаще ставится сейчас в несоциалистической литературе. Это и понятно: труд занимает такое место в жизни человечества, что реалисту невозможно его обойти. И когда книга пишется с симпатией к людям труда, с пониманием их души, здесь встречаются немалые удачи.

Уолтер Мэккин, ирландский писатель, рассказывает в своей книге «Ветер сулит бурю» о жизни рыбаков.

Характеры героев, отношения между ними, образ мышления многих из них он объясняет в значительной части условиями труда и связанного с ним быта. И поскольку симпатии автора, несомненно, на стороне простых людей, он поэтизирует их труд, хоть и не скрывает того, как он тяжел и опасен. Многие страницы книги проникнуты поэтическим возвеличением души человека, чья жизнь вся в труде; для таких людей самым уважаемым является тот, кто больше всех трудится и больше всех переживает опасностей. Прощание деда-рыбака с морем — целая поэма о его трудовой жизни. Дед смотрел на свои руки, и ему не надо было зеркала, чтоб убедиться, как он постарел: «насколько сдала рука, настолько и сам он сдал». И он говорит внуку: «Завещаю тебе море. Больше мне нечего тебе дать. А может, это и поценней будет, чем те штуки, что эти идиоты, которые проводят жизнь в домах за серыми каменными стенами, называют деньгами». Он говорит «а может», но нет ни малейшего сомнения, что для него море дороже всего на свете, а ловкость рыбака, умеющего справиться с любой опасностью, благороднее ловкости тех, кто научился делать деньги. Он так сжился с морем, с лодкой, которая делила все опасности его трудной жизни, что говорит о них как о живых существах. «Если бы вы бросили ее одну где-нибудь около островов, она сама нашла бы дорогу домой. За это я ручаюсь», — говорит старик о своей лодке.

Но писатель далек от того, чтобы приукрашивать жизнь своих героев и дать себя увлечь тем, что называется «романтикой моря». Нет, жить-то приходится на берегу. А там мало радости. И Микиль Большой, уходя в море, думает: «Хорошо оставить позади землю, и женщин, и даже детей, потому что здесь ты от всего этого отрезан. Здесь ты становишься частью чего-то огромного, тебе уже ни к чему тратить время на размышление о женщинах и детях, и о том, почему твоя жена недолюбливает одного из твоих сыновей, и почему лицо у нее стало такое суровое, и почему с ней надо держать ухо востро, хотя и бывают еще случаи, когда она снова превращается в смуглую девчонку, которую он знал когда-то».

Любовь героев романа Уолтера Мэккина к морю омрачают мысли о неустроенности жизни на суше, где

им остается все меньше места. А красота труда и трудового вдохновения, пробуждая в людях сознание своего достоинства, не дает забыть о том, что нигде в другом месте это достоинство не ценится и не признается.

Это — из жизни общества, которое называют «свободным миром». И это — свидетельство людей, которые его знают. Но даже если бы не было никаких других фактов, опровергающих басни о свободе в капиталистическом мире, то достаточно было бы и одного того, что чувство собственности лишает человека радости труда, чтобы глубоко разочароваться в такой «свободе». Большинство человечества живет трудом; и свободно оно или несвободно — это определяется тем, насколько свободен труд. А об этом следует судить не только по тому, устранено ли принуждение к труду и как широки возможности получить работу, — необходимы такие условия жизни тружеников, которые не лишали бы их нравственного удовлетворения трудом. Для подавляющего большинства человечества труд — единственное поле, где человек может проявить доблесть и геройство, не дожидаясь, когда его призовут на поле сражения. Поэтому, когда человек не получает нравственного вознаграждения за свой труд (независимо от того, сознает ли он свое право на такое вознаграждение), он далеко еще не свободный человек. Общество, которое не только не воспитывает в нем сознания своих прав, а, напротив, делает все возможное, чтобы он и не подозревал о них, не имеет никаких оснований называть себя свободным обществом. Общество становится свободным по-настоящему лишь тогда, когда освобождается труд его граждан: освобождается от насилия, от принуждения экономического, от собственнической жадности, иначе говоря, когда труд превращается в потребность. А это потребность особого рода: ее нельзя удовлетворить за счет других, но лишь вместе с другими. Она не отделяет человека от людей, а объединяет с ними. Нравственное удовлетворение в труде может найти только тот, кто ищет встречи с людьми. Индивидуалисту и в труде нет радости.

Джон Уэйн в романе «Спешите вниз» ведет своего героя из «золотой клетки» «средних классов» к жизни простого труженика, где он надеется укрыться от по-

стылой морали, регламентирующей каждый шаг человека. Этот эксперимент, как известно, закончился ничем, и иначе не мог закончиться. Не мог потому, что герой, спускаясь «вниз», не решился оставить свой багаж — образ мыслей, привычки, чувства неисправимого эгоиста. Идти к труду для него означало избавиться от всяких реальных связей с другими людьми, труд должен был обеспечить ему абсолютную независимость от всего на свете. Но такая жизнь неизбежно свела его с отбросами общества, с ворами и бандитами, то есть привела действительно вниз.

Герой романа Уэйна, несомненно, обогатил свой опыт. Он теперь знает, что клетка, золотая или железная, — все клетка. Он не заметил «только» того, что тот, кто хочет быть свободным, должен искать связей с людьми, а не избегать их, и что труд представляет для человека моральную ценность, поскольку дает ему чувство товарищества и равенства. По мнению человека социалистического общества, идти к труду — значит не вниз спускаться и прятаться от сложности жизни, а подниматься вверх, к постижению сложности жизни и овладению ею.

Социалистический труд роднит людей, объединяет их духом товарищества и взаимного уважения. Он воспитывает потребность в труде как потребность общения человека с человеком, и для него труд и эгоизм, может быть, не совместны еще более, чем гений и злодейство.

Настоящий человек прежде всего чувствует потребность в людях, в их поддержке, их добром мнении, их доверии. Советское общество борется за такого настоящего человека. В том числе — и оружием литературы. С этой точки зрения, мне думается, большой интерес представляет талантливая книга Владимира Киселева «Человек может».

Жизненный путь героя романа В. Киселева сложен и труден. Юношей без опыта, с очень смутными представлениями о том, что есть честь, порядочность, он стал невольным сообщником бандита и был сурово наказан. Легче и проще было бы возвращаться в жизнь, если бы с ней был он прочнее связан, если бы было дело, которое пришлось лишь на время оставить, и люди,

с которыми была надежная, честная связь. Но у Павла Сердюка ничего этого не было. Ему пришлось начинать, в сущности, с порога тюремной камеры, и за ее стенами он мог встретить лишь несколько знакомых, но ни одного друга. Случай свел Павла с хорошими людьми, но судьбу его как человека решали работа на строительстве, трудовой коллектив, где только и можно понять и почувствовать, что человек все может, коль он человек, где действительно приобретает «жесткость» — «способность сопротивляться образованию деформаций. Способность не поддаваться». Потому что только здесь познается любовь к людям. А жесткость — это она и есть. Без нее и самый энергичный монтажник, и самый талантливый ученый — в лучшем случае энтузиасты без цели.

Если с некоторыми хорошими людьми свел Павла случай, то с Петром Афанасьевичем Сулимой — сама жизнь. Человек честной, трудовой биографии, настоящий коммунист, Сулима излучает столько света, столько мудрости и доброты, что для каждого, кто с ним сталкивается, он становится как бы живым олицетворением совести. В своей жизни Павел не раз то с гордостью, то с болью и смущением обращался в мыслях к Сулиме, словно к своей совести: как отозвался бы он, как он оценил бы тот или иной его шаг. И эта потребность проверять свою жизнь совестью Сулимы, таких, как Сулима, оставалась постоянным стимулом роста Павла как человека. Сулима, независимо от того, обращался ли к нему Павел в данном случае, часто поддерживал его в хорошем, нужном деле и не раз предостерегал от неверного шага, дурного намерения. «Здорово все-таки, что есть такие люди. Очень здорово», — думает Павел. И что самое важное — влияние Сулимы на Павла и на окружающих вообще таково, что оно освобождает мысли и чувства людей от любых проявлений индивидуализма, себялюбия. Действительно, в каждом случае, когда Павел оступался, причина оказывалась одна: «...от жизни оторвался. От товарищей. Индивидуалистом стал». Так объяснял Петр Афанасьевич ошибки и срывы Павла и делал все для того, чтобы и Павел так их понимал, воспитывал в себе способность к внутренней самокритике.

В романе «Человек может» болезнь индивидуализма раскрывается как одно из главных препятствий развития человека. Человек все может, жизнь освобождает все новые и новые источники его силы. Но если он думает, что он может потому, что лучше других, что может только он и никто другой, он мало того что заблуждается насчет других,— он должен будет вскоре убедиться, что прежде всего насчет себя заблуждается. Один он очень мало может и уж определенно не может ничего, если только о себе одном думает. Сила романа В. Киселева именно в этом — в утверждении коллективизма как единственного источника развития личности.

В книге В. Киселева приводятся слова английского ученого Нормана Коупленда: «Сейчас психологи пришли к общему мнению, что обычный человек использует только десять процентов своих физических и умственных способностей. Разница между той силой, которую он использует, и той, которая действительно имеется в его распоряжении,— это разница между тем, что он есть, и тем, кем он может быть...» Высвобождение энергии человека, имеющейся в его распоряжении,— важнейший источник роста нашего общества, его поразительных успехов. В свободном, социалистическом труде советский человек познает самую радостную тайну жизни — кем он, человек, может быть. Но познать эту тайну — значит понять великую силу коллектива, трудового товарищества и идейного единства.

Жить в полную силу души — высшая потребность, подчиняющая себе и обогащающая собою все другие. Но для того чтобы ее удовлетворить и даже осознать именно как высшую потребность, человеку необходимо понять, что нет у него врага злее и опаснее, чем индивидуализм, эгоизм. И притом не только эгоизм других, могущий омрачить его чувства, но и свой собственный. Он может лишить человека половины радости жизни — радости общения с людьми, счастья радоваться их счастью. Не говоря уже о таких вещах, как зависть, подозрительность, озлобленность,— о той добровольной ноше, которую взваливает на себя эгоист и из-за которой света белого не видит. Не так ли лишают себя подлинных радостей жизни тунеядцы, думающие, что они «перехитрили» общество, а на деле — обкрадыва-

ющие прежде всего самих себя, обедняющие свою собственную жизнь.

У советского общества много средств борьбы за освобождение человеческой личности для жизни честной и большой. И среди них — воспитание эстетических потребностей, эстетического чувства.

Значение эстетического чувства в нравственном воспитании людей объясняется, между прочим, тем, что эстетическое помогает борьбе с эгоизмом, индивидуализмом. И дело не только в том, что удовлетворение эстетического чувства одним лицом не причиняет ущерба другим, что симфония не теряет своей прелести от того, что ее прослушали, а краски не линяют от того, что картина смотрится. Важнее всего то, что радость, испытываемая человеком при виде прекрасного, ведет его к людям, а не от людей, объединяет с ними, а не разъединяет. И мы не много знали бы об истинном значении искусства, если бы не его способность убеждать человека в том, что он — как другие люди, и что те причины, по которым ему бывает и грустно, и радостно, и больно, как правило, и у других вызывают те же чувства: и грусть, и радость, и боль. Искусство, если оно настоящее, большое искусство, постоянно враждует с эгоизмом, ибо всегда настаивает на том, что одно «я» не может требовать себе преимуществ по сравнению с другими.

Партия торжественно провозгласила: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Мы вступим в общество, где все блага будут распределяться по потребностям, притом по потребностям неизмеримо большим, чем они представляются нам сегодня. Социализм, узаконивший принцип: от каждого по способностям, каждому по труду, — навсегда устранил господствовавшее веками отделение потребностей от способностей, сблизил их и превратил рост потребностей трудящихся в прямой стимул развития их способностей, что позволяет создать материальные ценности в таком изобилии, чтобы их хватило на всех.

Но для перехода к распределению по потребностям недостаточно, чтобы было *что* делить. Для этого необходимо еще такое изобилие нравственных ценностей,

чтобы каждый мог испытывать радость не только от того, что он может *взять* себе все, что ему нужно, но и от того, что он может *дать* людям то, что нужно им, чтобы слова «брать» и «давать» имели равное моральное значение. Среди тех потребностей, о которых заявит человек, придя в коммунизм, будут высшие нравственные потребности — в труде, в красоте, в общении с человечеством.

Люди придут в коммунизм не в гости, а в свой дом. И уже сейчас надо мерить свой шаг по коммунизму. Все более важным, притом исторически важным, становится сейчас не только то, каким предстает человек на виду у общества, как проявляет себя в отношениях с другими людьми, но и то, каким он остается наедине с собой. Ведь коммунизм — это, в частности, исчезновение различия между тем, каким человек предстает в наших глазах, и тем, каков он на самом деле. Ибо правила коммунистического общежития соблюдаются не потому, что их хорошо выучили все, а потому, что они создаются всеми.

Социализм и коммунизм проявляют непрестанную заботу о том, чтобы каждый человек имел все необходимое для хорошей жизни, чтобы он имел полный достаток продовольствия, одежды, жилищ. Именно: каждый человек. Именно: все необходимое. Больше того, речь идет о расширении и обогащении представлений человека о том, что ему необходимо для достойной жизни. Социализм и коммунизм ставят своей целью такое воспитание, такое духовное освобождение человека, чтобы он стал действительно общественным человеком и была создана такая жизнь, чтобы, как писал поэт, «люди людей узнавали в лицо».